

Для Гезы, Кристины и Матильды
(Вы как Ангелы Чарли... только намного начитаннее)

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Кево

Наши взгляды встречаются, и все мое тело пронзает боль: она проникает сквозь кожу, добирается до костей и целится прямо в сердце. Заостренной стрелой рассекает плоть и нервы, и мне не хватает воздуха.

Ее лицо, ее прекрасное лицо перед моим взором пробуждает в душе столько чувств, что поначалу я совершенно не представляю, как вообще можно справиться с этой бурей. Чуть прищурившись, пытаюсь лучше разглядеть ее черты. Ее кожа перепачкана — вымазана сажей, на лбу и правой щеке видна кровь. Мои руки на автомате сжимаются в кулаки. Хочется выяснить, что с ней случилось, и в то же время знать этого я вовсе не хочу. Ярость и без того наполняет меня почти до краев. И одна-единственная несчастная мысль о том, что кто-то осмелился навредить Блум, может стать последней каплей. Мне уже хочется переломать все кости тому, кто отважился дышать в ее сторону или прикоснуться к ней хоть пальцем. И плевать я хотел, кто это и на чьей он стороне.

Блум бросает на меня убийственный взгляд. Задумайся я хоть на секунду, как эта девушка относится ко мне, ненависть в ее глазах дала бы многое понять. Снова пытаюсь проникнуть в ее мысли, выплеснуть слова, которые так отчаянно жаждут быть высказанными. Но Блум не допускает этого: закрывается от меня, словно захлопывает дверь перед носом незваного гостя. Проклятие.

Рядом со мной раздается лающий смех Уилла. Мы стоим плечо к плечу, выступая против Зимнего Дома, готовые смести со своего пути каждого, лишь бы только добраться до нашей цели — Блум, Хранительницы Зимы. По крайней мере, это я внушаю Уиллу, Джозефу и его людям. Как минимум пытаюсь. В принципе, меня устраивала любая причина, которая привела бы меня на остров к Блум.

— Выглядит девчонка не очень, — презрительно усмехается Уилл. От одного звука его голоса меня тянет блевать.

Тем временем мои ногти врезаются в ладони — так сильно я сжимаю кулаки, только бы не разбить ими лицо Уилла. А в мыслях уже слышу, как его нос с хрустом ломается под моим ударом. И от мысли об этом на моем лице появляется улыбка.

— Она через многое прошла, — цежу сквозь стиснутые зубы, не отрывая взгляда от Блум. Едва заметив ее в толпе, я уже не мог никуда больше смотреть. Боюсь, если моргну, она просто исчезнет. Не могу так рисковать.

Уилл фыркает:

— Она обвела тебя вокруг пальца, Перик. Думаю, ты слишком серьезно отнесся к роли луч-

шего друга. А ведь ты ее даже ни разу не трахнул, а?

Я хочу его ударить. Нет, убить. Хочу его убить. Медленно и мучительно. Переломать все кости в его теле, одну за другой. И когда, не смотря на это, присоединяюсь к его грязному смешку, мне хочется сломать парочку костей самому себе. Я просто обязан играть в эту игру, иначе нож вонзится в мою спину быстрее, чем я успею моргнуть глазом. А это не поможет ни мне, ни Блум.

Чуть ли не силой отрываю взгляд от Блум и осматриваюсь. Парк Зимнего Двора выглядит так, словно кто-то провел через него невидимую линию, распределив всех нас по соответствующим сторонам. Хаос и беспорядочные схватки, вспыхнувшие при нашем появлении, постепенно стихают, хотя последствия нашего прибытия очевидны: одни истекают кровью, другие держатся за руку или за ногу, кто-то сидит, прислонившись к стене, кто-то лежит на земле без сознания. Или просто мертв.

Тем временем враждующие стороны начинают выстраиваться за своими лидерами: члены Зимнего Дома собираются за своим Мастером, повстанцы — за Джозефом, отцом Блум. В воздухе, словно удушающий туман, повисает напряжение, и дышать мне становится трудно. Каждый человек на этом острове излучает магию, которая словно сгущается, собираясь вместе клубами густого дыма.

— Слушайте меня! — внезапно разносится по всему двору глубокий голос. Он заглушает крики людей, шелест ветра и даже рев в моей голове. Он заглушает все.

Отец Блум выступает вперед. Я снова смотрю на нее, и снова мне кажется, будто кто-то влил в мои вены целое ведро ледяной воды. На меня она больше не смотрит. Блум смотрит на своего отца, и в ее взгляде, по крайней мере, столько же ненависти и отвращения, сколько было в нем только что, когда она смотрела на меня.

Не сказать, чтобы это способствовало улучшению ситуации. Отец Блум — плохой, один из самых отвратительных людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. То, что для Блума мы с Джозефом, по-видимому, на одном уровне, меня совсем не устраивает. Не могу ее в этом винить и все же хотел бы, чтобы она доверяла мне достаточно для того, чтобы поговорить со мной об этом. Чтобы дать мне шанс все ей объяснить.

— Мы не хотим ненужных смертей! — оглушительно провозглашает Джозеф, призывно оглядываясь по сторонам. — Мы здесь не для того, чтобы устраивать резню!

Хочется фыркнуть, но я беру себя в руки. Нужно сохранять видимость. Я должен придерживаться их стороны, по крайней мере до тех пор, пока у меня нет своего плана. Плана, в котором не будет ни моей смерти, ни смерти Блума.

— Слишком поздно, — отвечает дед Блум, Мастер Зимы. Я знаю, он тоже не очень приятный человек. Он не на той стороне. И все же его голос звучит мягче и даже в некотором роде успокаивает, чего не скажешь о словах Джозефа. — Среди нас уже есть погибшие.

Блум при этих словах вздрагивает. Я чисто рефлекторно делаю шаг вперед. Кто погиб? Оглядываясь по сторонам, понятия не имея, кого ищу. Я не имею ни малейшего представления

о ее жизни и не знаком лично ни с ее друзьями, ни с семьей, поэтому при всем желании не смог бы заметить, кого именно больше нет.

Мне требуется вся сила воли, чтобы остаться стоять на месте и не броситься к ней. Кого бы Блум ни потеряла, я хочу быть с ней. Рядом с ней, за ее спиной. Быть где угодно, только не напротив, только не по другую сторону линии фронта. Это — неправильно.

— В этом мы в равной степени виноваты оба, — уже более тихим голосом отвечает Джозеф. Кричать больше не нужно. Звуки вокруг нас смолкли, словно весь мир затаил дыхание. — Если бы вы с самого начала отдали то, что нам причитается, никто бы не пострадал.

Даже на таком расстоянии я вижу, как Мастер Зимнего Двора приподнимает свои седые брови.

— То, что вам причитается? Если мне не изменяет память, ты, Джозеф, родился в Осеннем Доме. И, кажется, втягиваешь в войну совсем не ту армию.

Язвительный смех Джозефа эхом разносится по площади и, кажется, отскакивает от каменных стен Зимнего Двора.

— Неважно, откуда я родом, старик. Ничье происхождение не имеет значения. Речь идет о справедливости — ни больше ни меньше. Ты и тебе подобные виновны в том, что целый народ остался безродным — без крова, без семьи. Что их лишили власти, дарованной богами. Четыре дома вознесли себя выше воли богов, и за это вам придется заплатить. — Он разводит руки в стороны. — И если этим людям нужен голос, чтобы вернуть то, что вы отняли у них, я с радостью готов одолжить им свой.

Уилл рядом со мной с воплем вскидывает руку в воздух. Скверная штука. Опасная и нелепая. С тревожным чувством в животе я оглядываюсь по сторонам, наблюдая, как повстанцы копируют жест Уилла, и толпа превращается в одну сплошную ревущую массу. Давно понятно, что в этой войне уже не две стороны. Их как минимум три: консервативные члены сезонных домов, готовые сделать все, чтобы предотвратить появление Ванитас; «плохие» повстанцы, которых волнует только власть и которые готовы использовать эту власть любыми возможными способами и средствами. И «хорошие» повстанцы. Те, кто просто борется за свое законное место во временном цикле и за спасение этого проклятого мира от конца света, который мы уже вызвали. Те, кто надеется на мирное решение и готов идти на радикальные меры только в случае крайней необходимости.

Однако, оглядываясь вокруг, я не думаю, что люди, на стороне которых я выступаю, относятся к последнему типу. Кое-где я вижу растерянные лица, людей, которые озираются по сторонам с тем же недоумением, что и я, и не присоединяются к возгласам Уилла. Большинство, однако, в исступлении вопит, нетерпеливо подавшись вперед, будто хочет немедленно броситься в бой.

Я концентрирую свое внимание на том, что происходит прямо передо мной, и снова смотрю на Блум. Кожа девушки бледна, что делает кровь на ее лице только еще более заметной. Она ярко-красного оттенка, значит, свежая. И в самом деле — она как раз сейчас вытекает из раны у нее на голове, и я уже просто не в силах стоять на месте и ничего не делать.

— Вы ведете войну, выиграть которую не можете, — отвечает Калино, Мастер Зимы, когда крики повстанцев стихают. — Нас слишком много. И мы слишком сильны для вас.

Джозефа это, однако, никак не впечатляет, чего я, в общем-то, и не ожидал.

— Я готов рискнуть.

Мастер Зимы склоняет голову, словно ища в словах лидера повстанцев скрытый смысл.

— Чего вы хотите? — спрашивает он наконец с вызовом. — Если пришли не для того, чтобы убивать?

Джозеф криво усмехается и поднимает руку, указывая на представителей Зимнего Дома. В первый момент кажется, будто он показывает на главу семьи Калино, но на самом деле рука Джозефа нацелена на Блум, которая стоит рядом со своим дедушкой.

Я смотрю на нее. Когда она понимает, чего хочет Джозеф, ее бледное лицо становится еще блее, хотя я и не думал, что такое вообще возможно. Блум невольно отступает. Когда она спотыкается, я снова делаю рывок вперед. Все во мне: каждый нерв, мышца и волокно моего тела — хочет мчаться к ней, я хочу перекинуть ее через плечо и унести подальше отсюда. К черту восстание, к черту войну, к черту конец света. Главное, чтобы она была в безопасности.

— Ее, — мрачно изрекает Джозеф, кивая в сторону Блум. — Я хочу Хранительницу. Отдай ее нам, и, даю тебе слово, с вами ничего не случится. Мы иницилируем Ванитас, и весь этот цирк закончится.

Я стискиваю зубы, сильно, до боли, и смотрю на главу семьи Калино. Его лицо совершенно

бесстрастно, словно он не услышал ни слова из того, что сказал Джозеф. Мастер Зимнего Двора не сдвигается со своего места ни на миллиметр, а Блум продолжает отступать все дальше и дальше. На ее лице отражаются те же боль и страх, которые в данный момент чувствую я.

Наконец ее дед приподнимает подбородок и едва заметно расправляет плечи. Я делаю глубокий вдох и невольно задерживаю дыхание. Его ответ будет решающим, и он это знает. Конечно, я не хочу, чтобы Блум попала в руки Джозефа. Он вообще не должен больше приближаться к ней. И все же в душе молюсь, чтобы Калино пошел на эту сделку. Тогда у меня получится защитить Блум, тогда она будет в пределах моей досягаемости, и я смогу исчезнуть вместе с ней.

Но сегодня удача не на моей стороне.

— Вы ее не получите, — говорит Калино. Его голос тих и невозмутим, но оттого не менее властен. Эти слова будто бы проникают в ряды повстанцев, словно туман, и отравляют воздух.

— Очень жаль, — с пугающим спокойствием в голосе отвечает Джозеф. — Ты только что решил судьбу своего жалкого Дома, старик.

А потом они бросаются в бой. Сначала — повстанцы, спустя долю секунды — члены Зимнего Дома. Все они ревут, все собирают силы, все готовы умереть за то, во что верят. И многих из них как раз это и ждет — смерть.

В отчаянии мечусь в толпе, разыскивая Блум. Когда Уилл и остальные повстанцы рядом со мной бросились в атаку, я потерял ее из поля зрения. Но только через свой собственный труп позволю себе потерять ее здесь. Не после всего, через что мы прошли.

Я отшвыриваю в сторону каждого, кто преграждает мне путь, неважно, кто это, мятежник или член Зимнего Двора. Никто из них не имеет значения, все они второстепенны. Они — часть этой войны и не готовы к мирному решению. Не то чтобы я и сам сейчас пребывал в особенно миролюбивом настроении, но у меня на то свои причины.

Почти не дыша, пересекаю невидимую линию фронта и лечу прямо к армии Зимнего Двора, в самую гущу боя. Магия внутри меня вырывается наружу так мощно, будто испытывает облегчение оттого, что ей наконец-то разрешили себя проявить. Подобно неуправляемому шторму, она отталкивает окружающих людей и их силы, образуя вокруг меня нечто вроде щита. Здесь слишком много людей, чтобы я мог заблокировать их всех. Для этого моей силы недостаточно. Но ее хватит, чтобы отразить прямые атаки, направленные на меня.

Когда я добираюсь до места, где несколько секунд назад стояли Блум и ее дед, останавливаюсь. Сердце в груди колотится так быстро, что, кажется, вот-вот выпрыгнет.

Нет, нет, нет. Черт, нет, я не могу потерять Блум!

Озираюсь по сторонам, сканирую лица вокруг себя, но ни одно из них не кажется знакомым.

— Блум! — почти в отчаянии кричу я. Притворная роль меня уже не волнует. Плевать, что подумают обо мне другие повстанцы, Уилл или Джозеф. Где-то среди этих сражающихся мужчин находится Блум, и я даже не хочу представлять себе все то, что с ней может случиться. Снова кружу на месте, ища в толпе ее светло-русые волосы.